

питання. Зроблено спробу проаналізувати динаміку і спрямованість росту наукового знання в психологічній науці.

Ключові слова: криза, психологія, парадигма, зростання наукового знання.

SUMMARY

M. M. Oryshchenko. The Crisis in Psychology (Philosophical Analysis).

In the article a comprehensive philosophical analysis of the crisis in the science of psychology is taken. Research achievements of the issue were reviewed and summarized. An attempt to analyze the dynamics and direction of growth of scientific theory in psychology was also made.

Key words: crisis, psychology, paradigm, the growth of scientific knowledge.

УДК 1:159.964.26

А. В. Вертель

Сумской государственной педагогический университет имени А. С. Макаренко

ЖАК ЛАКАН: ОТ ФАНТАЗМОВ ВООБРАЖАЕМОГО К ПОИСКУ СОЗНАНИЯ

В статье анализируется комплекс вопросов, связанных с пониманием и интерпретацией проблемы сознания в структурном психоанализе Ж. Лакана. Изложены основные положения психоаналитической философии сознания, показана динамика развития психоаналитических идей в системе Реальное – Воображаемое – Символическое.

Ключевые слова: Реальное, Воображаемое, Символическое, субъект, фантазм, стадия зеркала.

Актуальность темы исследования определяется несколькими позициями: во-первых, важностью критического исследования проблемы сознания в философии вообще и в структурном психоанализе в частности; во-вторых, необходимостью адекватного включения психоаналитических идей в общую картину философских представлений о человеческой природе; в-третьих, всевозрастающим интересом к психоанализу в современном обществе.

Целью статьи является попытка обозначить сложившийся в психоанализе Ж. Лакана подход к проблеме сознания. В настоящее время можно говорить о том, что сформировалась определенная парадигма интерпретации лакановского психоанализа. Необходимо выделить основные центры изучения его наследия во Франции это – А. Бадью, Ф. Дольто, К. Клеман, С. Леклер, Ж.-А. Миллер, М. Сафуэн; в Великобритании – М. Боуи, С. Кэй, Д. Мэйси, М. Саруп, Дж. Форрестер; в США – Ж. Айерза,

А. Джонсон, Дж. Копжек, Б. Финк; в Словении – люблянское направление психоанализа (М. Доллар, С. Жижек, А. Зупанчич, Р. Салецл).

Первые публикации в СССР о Ж. Лакане принадлежали Н. С. Автономовой. Это работы «Психоаналитическая концепция Жака Лакана» (1973), «Лакан: возрождение или конец психоанализа?» (1985), «Структуралистский психоанализ Ж. Лакана. Французская философия сегодня» (1989). В настоящее время большое теоретическое значение имеют работы российских исследователей Н. Автономовой, О. Бушмакиной, Н. Ворониной, С. Долгопольского, В. Колотаева, В. Лейбина, В. Мазина, Г. Рогоняна, В. Руднева, М. Смагина, В. Софронова, О. Сусловой, М. Титовой, А. Черноглазова, Т. Шведчиковой. В Украине наследие Ж. Лакана используется в качестве вспомогательного аналитического инструмента в гуманитаристике: в литературоведении (В. Агеева, О. Кирилова, С. Яковенко), в сфере культурологических интерпретаций кинематографа на основе постлакановских теорий К. Метца (М. Собуцкий), а также в гендерных исследованиях (И. Жеребкина).

Ж. Лакана часто называют самым знаменитым психоаналитиком после З. Фрейда. Смело можно утверждать, что лишь ему удалось вызвать такую же любовь и патологическую ненависть после З. Фрейда. «Фрейдовская теория, к которой он пришел в своих поисках, была для него хотя и важнейшей, но все же одной среди многих. Его положение в психоанализе всегда было маргинальным [...] именно в силу того, что занимавшая его проблематика и сам способ проблематизации были философскими, а не психоаналитическими» [6, 10].

Если З. Фрейд относился ко всякого рода академической философии с отвращением, то Ж. Лакан придал психоанализу философское измерение, освободившись от биологизаторских приоритетов, пытаясь превратить психоанализ в строгую социальную и гуманитарную науку, опирающуюся на лингвистические и логико-математические понятия. Если проследить развитие его идей, становится ясно, что структурный психоанализ приобретает формы «философствующей дисциплины». На лакановское «перепрочтение» и фундаментальное переосмысление идей З. Фрейда, повлияли структурная антропология (К. Леви-Стросс), семиология (Ф. де Соссюр), лингвистика (Э. Бенвенист, Р. Якобсон), элементы немецкого идеализма (Г. В. Ф. Гегель в оригинальном истолковании А. Кожева), феноменология (в версии М. Хайдеггера), сюрреализм (Ж. Батай, С. Дали, Ж. Жане). Помимо сравнений с З. Фрейдом и попыток обозначить XX-й век веком Лакана, во Франции его называли «великолепным и жалким Арлекином» (Л. Альтюссер), «сознательным и забавным шарлатаном» (Н. Хомски), родоначальником новой религии (Ж. Брикмон А. и Сокал). О культе личности Ж. Лакана и его работах как о «священном писании» говорили Д. Эванс, Р. Вебстер.

У Ж. Лакана как и у З. Фрейда, движение мысли не останавливается, нет однозначности и определенности того или иного понятия, той или иной

теории. Каждое понятие определяется не чёткими дефинициями, а тонкими, порой замысловатыми отношениями с другими понятиями, историями концептуального пересмотра. Каждая теория меняется в зависимости от её отношений с другими теориями. Каждый термин зависит от точки зрения того, кто интерпретирует данный термин. Мысль Ж. Лакана подчиняется, как может показаться, бессознательной логике, которая не знает противоречий. Но при внимательном прочтении оказывается, что мысль Ж. Лакана предельно систематизирована [11, 8–9].

Патрик Серио подчеркивает: если раньше французский язык считался «языком ясности», то после вторжения психоанализа в культурную жизнь Франции и его стремительной «ассимиляции», приучили людей к тому, что они должны уделять большое внимание словам, «играть» со словами, предполагать и находить в них какой-то скрытый смысл. Многие интеллектуалы были настолько зачарованы стилем Ж. Лакана, что имитировали его языковые особенности. Стилль Ж. Лакана практически непереводим на иностранный язык, поскольку все его размышления основаны именно на непрозрачности языка [12, 13].

Основатель новоевропейской философии сознания Р. Декарт считал, что сознание является отправной точкой как в философии, так и в науке. Декарт пишет «Я есмь, я существую – это очевидно [...] я лишь мыслящая вещь, иначе говоря, я – ум (*mens*), дух (*animus*), интеллект, разум (*ratio*) [...] я вещь истинная и поистине сущая» [3, 23]. Так классическое определение субъекта выражено в формуле: «*cogito, ergo sum*» – «мыслю, следовательно, существую». Сутью данного выражения является то, что мышление выступает как единственный атрибут души, она знает о своем психическом содержании, которое зримо изнутри. Аргумент указывает на самообнаружение субъекта в акте мышления (сознания), я мыслю и, созерцая свое же мышление, обнаруживаю себя мыслящего, стоящего за его актами и содержаниями. Ж. Лакан переосмыслил понятие картезианского субъекта, в его понимании субъект не является единством существования и мышления.

Д. Мэйси подчеркивает: «Во многом благодаря Лакану неприязнь к *cogito* стало одним из общих мест «структуралистских работ», неприязнь с почти карикатурным размахом, когда «картезианское» становится уничижительным термином, прилагаемым к любой философии сознания» [15, 72].

В отличие от метапсихологии З. Фрейда, который выделяет *Оно (Id)*, *Я (Ego)* и *Сверх-Я (Super-Ego)*, деление структуры субъекта у Ж. Лакана представлено триадой *Реальное – Воображаемое – Символическое*. Если в классическом психоанализе З. Фрейда *Оно* отождествляется с бессознательным, то в структурном психоанализе Ж. Лакана эта область соответствует символическому уровню. Таким образом, *Я* и *Сверх-Я* «меняются местами», *Символическое* отождествляется с социальным и культурным контекстом. *Реальное* выступает как нечто чуждое и враждебное

суб'єкту (*Оно* у З. Фрейда), но не обладающее символическими функциями. *Воображаемое* можно представить как фрейдовское *Я* [10, 336].

Своеобразным манифестом психоанализа Ж. Лакана является доклад на Римском Конгрессе, прочитанный в Институте психологии Римского Университета 26 и 27 сентября 1953 года. В основе концепции Ж. Лакана находятся два тезиса.

1. Бессознательное структурировано как язык.
2. Бессознательное – это речь «Другого».

Опираясь на эти тезисы, он утверждал, что только лингвистический анализ языка и его механизмов может адекватно раскрыть структуру бессознательных и соответственно сознательных процессов. С точки зрения Ж. Лакана, чистое доязыковое бессознательное нам не дано, о нем можно рассуждать только на основании рассказа другого человека. Таким образом, бессознательное – это речь «Другого». Данное понятие не однозначно, чаще всего оно связывается с отцом, законом и порядком.

Таким образом, *Реальное* – это непосредственные жизненные функции и отправления человека. Оно выступает как некоторое доязыковое бессознательное, опыт до всяких категорий. Это хаос впечатлений, состояний, влечений и чувств, в котором живет новорожденный младенец. *Реальное* ослабевает, когда под контролем взрослых, под влиянием культуры и при участии языка ребенок начнет выражать свои переживания с помощью знаковых средств, а именно с помощью жеста, осмысленных слогов, слов-наименований, слов-понятий и культурных (социально конвенциональных) образов поведения.

На уровне *Воображаемого* создаются все иллюзорно-синтезирующие, центрирующие и идентифицирующие *Я* представления. Таким образом, этот уровень является не центром регуляции и неким воплощением принципа реальности, а выступает как «функция заблуждения». *Я* (*moi*)¹, которое конструируется воображением, в отличие от *je* – субъекта лингвистического высказывания, не «действительное», а «страдательное», вторичное по отношению к трансцендирующей его сфере символического. Исходя из этого, противостояние *Воображаемого* и *Символического*, по сути, есть противопоставление (сознания и бессознательного [1, 220–221]).

Для обозначения взаимоотношений в триаде *Реальное – Воображаемое – Символическое* Ж. Лакан использует топологические объекты, типа узлов, ленты Мёбиуса, бутылки Клейна, колец Борромео. В математике кольца Борромео представляют собой три топологические окружности, которые объединены в соединение Брунниана так, что удаление одного кольца неминуемо приводит к разъединению двух других, но конструкция остается неизменной при деформации без разрыва. Настаивая на том, что кольца Борромео – это больше чем метафора, Ж. Лакан «навлек на себя» критику.

¹ Во французском языке однозначного эквивалента «самости» нет, это значение передается местоимениями *moi* – «я, мне, меня» или *soi* – «сам, себя, себе», в зависимости от грамматической конструкции предложения.

Так А. Сокал и Ж. Брикмон утверждают, что аналогии между топологией и психоанализом не оправдываются никаким обоснованием. Это относится и к применяемым Ж. Лаканом математическим выражениям («пространству», «ограниченному», «закрытому») [14, 33].

Одним из фундаментальных понятий, которые были введены Ж. Лаканом, является «стадия зеркала». В возрасте от полугода до полутора лет у ребенка возникает первая самоидентификация; именно в это время он начинает узнавать свое отражение в зеркале. Ж. Лакан пишет: «Важно [...] понять происходящее на стадии зеркала как идентификацию во всей полноте того смысла, который несет этот термин в психоанализе, т.е. как трансформацию, происходящую с субъектом при ассимиляции им своего образа [8, 509]. Разработка и введение в психоаналитический язык этой стадии развития позволили Ж. Лакану пересмотреть и существенно дополнить представления классического психоанализа о сознании и бессознательном.

Воображаемое – это регистр психики, который образуется в «стадии зеркала». Так в работе «Стадия зеркала и ее роль в формировании функции Я в том виде, в котором она предстает нам в психоаналитическом опыте» Ж. Лакан сформулировал основные положения данной стадии. «Стадия зеркала [...] представляет собой драму, чей внутренний импульс устремляет ее от несостоятельности к опережению – драму, которая фабрикует для субъекта, попавшегося на приманку пространственной идентификации, череду фантазмов, открывающуюся расчлененным образом тела, а завершающуюся формой его целостности, которую мы назовем ортопедической, и облачения, наконец, в ту броню отчуждающей идентичности, чья жесткая структура и предопределяет собой все дальнейшее его умственное развитие» [8, 512].

Соотношение и взаимодействие реальности и фантазии – одна из ключевых проблем развития человека. В сознании личности существуют существенные ментальные построения, которые находятся на границе реальности и во многом формируют эту реальность. В современном психоанализе они носят название фантазмов. Следует отметить, что слово «фантазм» – это неологизм, который активно используется во французской психоаналитической и постструктуралистской литературе. Как и многие психоаналитические понятия, этот термин определяется через весьма сложную и неоднозначную связь с другими понятиями такого же рода [5, 95]. В работе Ж. Делёза «Логика смысла» тридцатая серия носит название «Фантазм», в которой он выделяет основные характеристики фантазма. 1. Фантазм представляет собой результат действий и страданий, то есть чистое событие. 2. Это позиция фантазма по отношению к *Эго*, т. е. ситуация *Эго* в самом фантазме. 3. Фантазм выражается в игре грамматических трансформаций [4, 275–280]. Р. Барт в работе «Сад, Фурье, Лойола» описывает ситуацию фантазма на примере творчества И. Лойолы. У основателя ордена иезуитов *Я* представляется то расширяющимся то

постепенно сужающимся, которое воображается фантазматическими способами, таким образом, это *Я* нельзя представить личностью, с нарративной точки зрения. По мнению Р. Барта, И. Лойола постулировал девиз расплывчатого присутствия субъекта в образе, чем одновременно характеризуется и фантазм, и игнатианское созерцание [2, 86–87]. Таким образом, термин фантазм в психоанализе Ж. Лакана, а позже в работах постструктуралистов выступает как продукт воображения, благодаря которому *Я* избегает принудительного действия реальности. В психоанализе под реальностью понимается не только внешняя по отношению к сознанию предметно-вещественная реальность, но и внутренняя психическая реальность, представляемая в качестве устойчивого и независимого ядра сопротивления, которое действительно реально на фоне других психических феноменов.

Таким образом, на этой стадии, по Ж. Лакану, ребенок устанавливает связи между своим организмом и реальностью через усвоение образа своего тела. Этот процесс становится началом отчуждения субъекта от себя самого, т.е. субъект познает себя не изнутри, а через внешний образ. Произнеся «Это Я» ребенок показывает не на себя, а обращается в сторону зеркального двойника. В данном случае этот двойник является другим (со строчной буквы).

Воображаемое это не что иное, как психические представления, которые связаны с жизненными функциями и потребностями. Психические представления, опосредованные речью и в корне преобразованные этим опосредованием, выступают как *Символическое*.

В данном случае интересной является критика стадии зеркала П. Слотердайком. В работе «Пузыри», которая является первым томом трилогии «Сферы», Экскурс 9 главы 7 данной работы носит название «Где начинает ошибаться Лакан». В этом экскурсе П. Слотердайк критикует стадию зеркала Ж. Лакана как некий универсальный механизм, через который формируется *Я*. В частности он пишет: «По своей интенции и тональности эпатирующая теорема Лакана о стадии зеркала есть не что иное, как пародия на гностическое учение об освобождении посредством самопознания; в соответствии с проблематической моделью первородный грех заменяется здесь первородным обманом, причем так и не становится ясным, как лучше поступать с этим обманом – консервировать его или преодолевать» [13, 553].

Что же следует из «стадии зеркала»? По мнению Ж. Лакана формирование психики осуществляется через переход от «стадии зеркала» к «эдипиальной стадии», что соответствует преобразению воображаемого в символическое. Отказываясь от воображаемой конфлюенции с матерью, ребенок допускает в эти отношения отца (третье лицо), понимая, что его отношение к матери опосредовано отношением ее к отцу. Любые отношения между ребенком и матерью отмечены в той или иной мере стилем *Воображаемого*. Чтобы отношения приобрели символическое наполнение,

необходимо посередство третього персонажа, который играл бы по отношению к субъекту роль трансцендентального элемента, благодаря чему тот мог бы поддерживать объект на определенном расстоянии. [9, 31]. Таким образом, вместо воображаемого отождествления с матерью возникает закон, который это запрещает. Ж. Лакан назвал его Имя-Отца. Вместо воображаемого обладания объектом происходит разрыв с ним, невозможность его достижения и обладания. Реальная потребность, как и воображаемое стремление к идентификации с Другим, подчиняются ограничивающему и оформляющему влиянию Закона. Потребности и желания сбрасывают свою материальную и идеальную вещественность, перевоплощаясь в материальную расчлененность потока речи, социальной единицей которой выступает «запрос».

Ж. Лакан в работе «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа» пишет: «то, чем пользуется Фрейд, начиная с 1920 г., – это дополнительные понятия, необходимые в то время для того, чтобы сохранить принцип децентрации субъекта в неприкосновенности» [7, 19]. Неправильное толкование мысли З. Фрейда, как считал Лакан, привело к появлению нового направления в рамках психоанализа – Эго-психологии (Э. Гартман, Э. Глоувер, М. Малер, Р. Спитц, А. Фрейд, Э. Эриксон). В основе этого направления лежит идея об автономном Эго. В отличие от классического психоанализа З. Фрейда и структурного психоанализа Ж. Лакана, представители данного направления считают, что Я играет более важную и независимую роль. При изучении Я особое внимание уделяется вопросам развития и адаптации личности, ее автономии и свободы, а также особенностям функционирования Я, взаимодействию Я и влечений.

Смещение вектора исследований в сторону сознания вызвало резкую критику Ж. Лакана. Так Ж. Лакан с присущим ему пафосом заявляет: «Господин Гартман, этот херувим психоанализа, принес нам благую весть, которая позволит нам, наконец, спать спокойно, – весть о существовании автономного эго. То самое эго, которое с момента фрейдовского открытия всегда рассматривалось как источник конфликтов, которое даже будучи определено как связанная с реальностью функция не переставало считаться чем-то таким, чье покорение протекает подобно покорению реальности, драматично, – неожиданно возвращается нам в качестве некоей центральной данности» [7, 19].

В работе «Имена-Отца» Ж. Лакан делает окончательные выводы в отношении роли сознания. Любое последовательное и связное представление о собственном «Я» обязательно предполагает четкое представление о воображаемой функции собственного «Я», как единстве отчужденного от себя субъекта. Собственное «Я» – это то, в чем субъект не может признать себя, не отказавшись от себя отчужденным. Он не может, следовательно, обрести себя, не упразднив прежде *alter ego* собственного «Я» [9, 28].

Из вышеизложенного можно сделать следующие выводы.

В концепции Ж. Лакана фрейдистская теория была существенным образом трансформирована в соответствии с манифестацией приоритета языкового сознания. Если в классическом психоанализе З. Фрейда, человеческое сознание представляет собой сознание биологического существа, то Ж. Лакан это сознание дебиологизирует, считая, что только язык конституирует человека как субъекта. Биология, как полагает Ж. Лакан, преломляется для нас через язык, поэтому не имеет смысла говорить о каком-то теле, предшествующем языку. Бессознательное имеет отношение не к биологической потребности, а к культуре и социализации. Поэтому оно не хаотично, как считал З. Фрейд, а упорядочено и структурировано как язык.

Структура субъективности по Ж. Лакану не может быть сведена к единому «Я». Теория расщепленного субъекта Ж. Лакана противостоит теории «автономного Эго». Сознание в понимании Ж. Лакана – это чистой воды иллюзия, потому что субъективность в его теории не имеет фиксированных характеристик. По мнению Ж. Лакана, человек никогда не тождественен ни одному из своих атрибутов, исходя из этого, его «Я», в конечном счете, никогда не будет идентифицировано, потому-то оно всегда находится в поисках самого себя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Автономова Н. С. Познание и перевод. Опыт философии языка / Наталия Автономова. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. – 704 с. – (Humanitas).
2. Барт Р. Сад, Фурье, Лойола / Ролан Барт; [пер. с фр. Б. М. Скуратова]. – М.: Праксис, 2007. – 256 с. – (Серия «Культурная политика»).
3. Декарт Р. Размышления о первой философии, в коих доказывается существование Бога и различие между человеческой душой и телом / Рене Декарт // Соч. в 2 т. – М.: Мысль, 1994. – Т. 2. – С. 3 – 72.
4. Делёз Ж. Логика смысла / Жиль Делёз; [пер. с фр. Я. И. Свирского]. – М.: Академический проект, 2011. – 472 с. – (Философские технологии).
5. Драгунская Л. С. Фантазмы и контрфантазмы в европейской культуре / Людмила Драгунская // Человек. – 2011. – № 5. – С. 95–107.
6. Дьяков А. В. Жак Лакан. Фигура философа / Александр Дьяков. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2010. – 560 с. – (Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского»).
7. Лакан Ж. «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа. Семинары. Книга 2 (1954 / 55) / Жак Лакан; [пер. с фр. А. К. Черноглазова]. – М.: Издательство «Гносис», Издательство «Логос», 1999. – 520 с.
8. Лакан Ж. Стадия зеркала и ее роль в формировании функции Я в том виде, в котором она предстает нам в психоаналитическом опыте / Жак Лакан // «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа. – М.: Издательство «Гносис», Издательство «Логос». – С. 508–516.

9. Лакан Ж. Имена-Отца / Жак Лакан; [пер. с фр. А. К. Черноглазова]. – М. : Издательство «Гнозис», Издательство «Логос», 2006. – 160 с.
10. Лейбин В. М. Фрейд, психоанализ и современная западная философия / Валерий Лейбин. – М.: Политиздат, 1990. – 397 с.
11. Мазин В. А. Введение в Лакана / Виктор Мазин. – М. : Фонд научных исследований «Прагматика культуры», 2004. – 208 с.
12. Серио П. Как читают тексты во Франции / Патрик Серио // Французская школа анализа дискурса. – М. : ОАО ИГ «Прогресс», 1999. – С. 12–53.
13. Слотердайк П. Пузыри. Сферы. Микросферология. Т. 1. / Петер Слотердайк; [пер. с нем. К. В. Лощевского] – СПб. : Наука, 2005. – 688 с.
14. Сокал А. Интеллектуальные уловки. Критика современной философии постмодерна / А. Сокал, Ж. Брикмон; [пер. с англ. А. Косиковой, Д. Карлечкина]. – М. : «Дом интеллектуальной книги», 2002. – 248 с.
15. Macey D. On the subject of Lacan // A Elliott and S. Frosh (eds.). Psychoanalysis in Contexts. – London and New York: Routledge, 1995. – Pp. 72 – 86.

РЕЗЮМЕ

А. В. Вертель. Жак Лакан: від фантазмів уявного до пошуку свідомості.

Стаття присвячена філософському аналізу комплексу питань, пов'язаних з розумінням та інтерпретацією проблеми свідомості в структурному психоаналізі Ж. Лакана. Викладені основні положення психоаналітичної філософії свідомості, показана динаміка розвитку психоаналітичних ідей в системі Реальне – Уявне – Символічне.

Ключові слова: Реальне, Уявне, Символічне, суб'єкт, фантазм, стадія дзеркала.

SUMMARY

A. V. Vertel'. Jacques Lacan: From Phantasms of the Imaginary to the Search of Consciousness.

The article deals with the philosophical analysis of questions related to understanding and interpretation of the problem of consciousness in structural psychoanalysis of J. Lacan. Basic provisions of the psychoanalytic philosophy of consciousness are stated and dynamics of development of psychoanalytic ideas in the system of the Real – the Imaginary – the Symbolic is shown.

Key words: the Real, the Imaginary, the Symbolic, phantasm, mirror stage.